

очевидна. Кроме того, современные информационные технологии мультимедиа развивают у студентов умение критически оценивать информацию и создавать иноязычный учебный контент самостоятельно, тем самым способствуют формированию у студенческой молодежи медиакомпетентности. Представляется, что применение мультимедиа в обучении иностранному языку для специальных целей вырабатывает новые приемы систематизации иноязычного учебного контента, использование его в целях самосовершенствования и профессионального роста.

Перспективной исследования может быть определение доли мультимедийного контента в структуре учебного материала на основе рассмотренных подходов к его созданию. Кроме того, целесообразным является экспериментальное подтверждение критериев оценки результатов иноязычной подготовки с применением того или иного мультимедийного средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морзе Н. В. Моделі ефективного використання інформаційно-комунікаційних та дистанційних технологій навчання у вищому навчальному закладі [Електронний ресурс] / Н. В. Морзе, О. Г. Глазунова // Інформаційні технології і засоби навчання. – 2008. – №2 (6). – Режим доступа: <http://www.ime.edu-ua.net/emg.html>.

2. Шестопа О. В. Формування професійних знань майбутніх учителів іноземної мови засобами мультимедіа: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 "Теорія і методика проф. освіти" / О. В. Шестопа. – 2011. – 19 с.

3. Clark, R. C. E-learning and the science of instruction. Proven guidelines for consumers and designers of multimedia learning / R. C. Clark, R. E. Meyer. – San Francisco : Pfeiffer, 2008. – 496 p.

4. Gilakjani, A. P. A Study on the Impact of Using Multimedia to Improve the Quality of English Language Teaching / A. P. Gilakjani // Journal of Language Teaching and Research. – Vol. 3. – № 6. – 2012. – P. 1208-1215.

5. Steen, H. L. Effective eLearning Design / H. L. Steen // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. – Vol. 4. – № 4. – 2008. – P. 526-532.

«СЛАГАЕМЫЕ» КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. БАРНСА)

*Ярыгина Ольга Николаевна, ассистент
Кафедра иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

В мировой науке о языке понятие языковой личности (ЯЛ) связывается прежде всего с именем Й.Л. Вайсгербера, который дает свое понимание языковой способности человека как способности в самом широком объеме удерживать с помощью знаков жизненные впечатления, перерабатывать их, соотносить с другими и таким образом постепенно приобретать общее представление об этих явлениях, владеть миром, отвлекаясь от частного

впечатления. Применение и воздействие этой языковой способности обнаруживается далее в виде мышления и говорения, проходящих в языковой форме, действия на основе языкового размышления [Гухман 1993: 121].

В отечественной науке о языке категория ЯЛ как совокупность «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» наполнилась особым теоретическим содержанием прежде всего благодаря трудам Ю.Н. Караулова [Караулов 1987: 25]. Ю.Н. Караулов уточняет известный тезис Ф. де Соссюра о том, что за каждым текстом скрывается языковая система и предлагает иное прочтение этого известного постулата: «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка». Под ЯЛ ученый понимает человека, способного создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью [Караулов 2002: 73].

В данной статье предпринимается попытка определить «слагаемые» культурно-языковой личности автора художественного произведения и наглядно продемонстрировать транслируемые с помощью языковых знаков (фразеологических трансформаций и их ФЕ-инвариантов) как показатели культурной и языковой компетенций писателя.

Создавая художественное произведение, автор в силу специфики своей деятельности вынужден проигрывать множество социальных ролей и может быть представлен как “сумма социальных ролей, играемых данным членом общества” [Маслова 1997: 94]. Кроме того, в литературном речевом акте всегда можно заметить стремление писателя не просто навязать читателю свой тезаурус, а именно дать определенное число сведений о мире, но внушить ему те ценностные ориентиры, которые он, отправитель речи, художник, творец, личность и член общества считает важными для других людей и тем самым для себя самого.

Now, don't get me wrong. I'm a patriot, and I bow to none in admiration of this great country of ours, I love the place to bits (ср.≈ cut to bits) [Barnes 2006: 37].

Рассмотрение личности как актора (или субъекта) культуры, а также изучение интерактивных процессов между личностью и культурой способствует формированию понятия «культурная личность». Так, Ю.М. Лотман определяет культурную личность следующим образом: «Стремление к увеличению семиотического разнообразия внутри организма культуры приводит к тому, что каждый обладающий значением узел структурной организации ее начинает проявлять тенденцию к превращению в своеобразную культурную личность, замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением, индивидуальными способностями и механизмом саморазвития. В результате культура, как целостный организм представляет собой сочетание таких построенных по образцу отдельных личностей структурно-семиотических образований и системы связей (коммуникаций) между ними» [Лотман 2001: 564].

Обзор существующих подходов к пониманию личности в ее отношении к культуре и языку показал, что, несмотря на разнообразие трактовок, суть ее

универсального понимания раскрывается в параметрах *акциональности*. Однако личность не просто действует. Она творит, ведь «становление личности может совершаться лишь в работе преобразования мира» [Гумбольдт 2000: 61], при котором она, т. е. личность, является источником и движущей силой *культурных и языковых процессов*. А потому сама культура и сам язык могут инверсионно определяться как личностные процессы. Личность это творчески создающее начало культуры и языка. Без личности нет ни культуры, ни языка. Культура и язык - это результат деятельностного отношения человека как личности к миру. Следовательно, «культурная личность» и «языковая личность» не суть различные, а суть тождественные (или скорее однородные) понятия, закономерный синтез которых происходит в рамках лингвокультурологии, поскольку, по замечанию В.Н. Телия, субъект языка это всегда и субъект культуры [Телия, Дорошенко 2008: 154].

В лингвокультурологии «личность» понятие интегральное, объединяющее в себе одновременно личность культурную и личность языковую. *Культурно-языковая личность*, по определению, характеризуется двойной творческой акциональностью, благодаря которой создается новая духовно-ментальная и материальная *интерактивная реальность как особое антропологическое пространство бытия - лингвокультура*. Культурно-языковая личность, создавая ту или иную лингвокультуру и существуя в ней, обладает соответствующей *культурно-языковой компетенцией*, которая трактуется В.Н. Телия как «владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации» [Телия 2004: 27]. Это положение получает сегодня весомое методологическое обоснование в исследовании М.Л. Ковшовой, в котором с опорой на эксперимент, метод глубокой интроспекции и метод лингвокультурологического комментария было доказано, что в элементарном объеме любой носитель языка обладает культурной и языковой компетенцией, что культурная компетенция, в совокупности с языковой, позволяет передать и воспринять не только языковое значение, но транслируемые с помощью языковых знаков (фразеологизмов, в частности) культурные смыслы, сделать свой культурный выбор [Ковшова 2012: 78].

Принимая во внимание понятие культурно-языковой компетенции, культурно-языковая личность может толковаться, как, цитируя В.Н. Телия, «полифонический носитель языка, находящийся как бы внутри. когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки концептуализации и лингвокреативной (в смысле Б.А. Серебренникова) обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощенной в формы языковых знаков» [Телия 2004: 27]. Культурно-языковая компетенция как достояние одновременно индивидуальное и коллективное выводит нас в еще одну важную плоскость рассмотрения культурно-языковой личности, т. е. ее рассмотрения в рамках дихотомии «индивидуальное/коллективное».

Рассмотрение роли индивидуального и коллективного в формировании понятия культурно-языковой личности имеет особое методологическое

значение, так как связано с вопросом о выборе языкового объекта исследования (в широком понимании). Так, языковым объектом исследования личности автора становятся фразеологические трансформации:

Sir Jack is not a man to be trifled with, he suffers neither fools nor busybodies. Yet his compassion runs deep (ср.: ≈ Still waters run deep/Still waters have deep bottoms) [Barnes 2006: 30].

По мнению Гумбольдта, «человек всегда опирается на то, что уже есть в наличии» [Гумбольдт 2000: 54]. Так и автор привносит в уже сложившиеся с развитием и становлением английского языка фразеологические единицы новые изменения, преломляя их сквозь призму (творческой) эстетической текстовой деятельности, создавая тем самым неповторимые и живые образы героев своих произведений.

Where was his heart? Question for another day. Today's subject: flirting. ... Anyway, it took two to flirt (ср.: ≈ It takes two to tango.) [Barnes 2011: 6].

В результате проведенной работы можно сказать, что понятие «культурно-языковая личность» в силу своего комплексного характера трудно поддается однозначному определению. Его разработка должна вестись с учетом целого ряда сопряженных с ним понятий, в число которых входят в первую очередь такие понятия, как «лингвокультура» – результат деятельностного отношения личности к миру и «культурно-языковая компетенция» личности. Важным в проведении лингвокультурологического исследования, в частности, на этапе выбора языкового объекта (в широком понимании), является определение того, какой из параметров культурно-языковой личности автора индивидуальный или коллективный принимается как исходный или наиболее значимый. Оптимальным, по-видимому, можно считать подход, согласно которому оба параметра признаются одинаково существенными, равнозначными «слагаемыми».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
2. Гухман, М.М., Лингвистическая теория Л. Вайсгербера, в кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / М.М. Гухман. – М., 1993. – С. 123-162.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
5. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб: «Искусство. СПб», 2001.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2004.
7. Телия, В.Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований / В.Н. Телия,

А.В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 207-216.

8. Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19-30.

9. Barnes, J. England, England / J. Barnes. – London: Vintage Books, 2008. – 266 с.

10. Barnes, Julian Pulse / J. Barnes. – London: Vintage Books, 2011. – 228 с.